

Анастасия Пахомова

Судьба в облаках

Судьба в облаках

Анастасия Пахомова

Судьба в облаках

«Автор»

2026

Пахомова А.

Судьба в облаках / А. Пахомова — «Автор», 2026 — (Судьба в облаках)

Клэр Файерхолл привыкла доверять вещам, которые можно разобрать, изучить и починить. Дирижабли подчиняются законам механики, металл предупреждает о поломке, а верный расчёт почти всегда приводит домой. Магическое проклятие устроено иначе. После нападения в собственной мастерской Клэр обнаруживает, что её тело меняется, чувства становятся острее, а внутри пробуждается сила, способная однажды заглушить её волю. Пока младший брат пытается удержать обращение, капитан Вольфганг Эррол поднимает в воздух «Сапсан». След неизвестного мага ведёт их далеко от Бирмингема — через столичные архивы, заснеженный Север, Восток и земли Западного Союза. Клэр придётся научиться управлять тем, чего она боится, и довериться людям, которые отказываются оставить её одну. Даже если путь обратно уже не приведёт к прежней жизни.

© Пахомова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 "Поломка". Глава первая	5
Часть 1 "Поломка". Глава вторая	12
Часть 1 "Поломка". Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

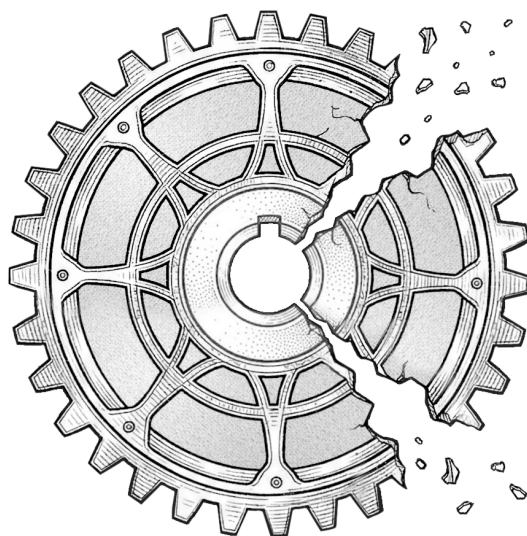
Анастасия Пахомова

Судьба в облаках

Часть 1 "Поломка". Глава первая

«Самая опасная поломка — та, которую не слышно. Её чувствуешь кожей».

— Записи мастера Л. Крейна, цех 18

Я просыпаюсь от солнечного луча. Он упирается в щеку, щекочет кожу и настойчиво проверяет: *ты здесь?* Сознание перебирает привычные опоры: утро, мастерская, работа. Всё на местах.

Я приподнимаюсь на локте и смотрю в окно. На ремонтной площадке пришвартован дирижабль — вытянутый силуэт, тёмный деревянный корпус и светлый аэростат, стянутый широкими латунными поясами. Между ними тянется золотой узор: стрелки компаса, линии воздушных течений и тонкие дуги координат сходятся к знаку Гильдии исследователей. Издали рисунок кажется украшением. Вблизи становится ясно: каждая линия имеет смысл и превращает оболочку корабля в огромную навигационную карту. На борту латунными буквами выведено официальное имя — *Peregrine*.

Мне известен каждый его винт. Я перебирала рулевую систему, меняла тросы, ругалась с левой турбиной и однажды провела две ночи под кормой, доказывая упрямому подшипнику, что он заменим. Но этот дирижабль особенный не из-за узора или названия. После каждой экспедиции он возвращается сюда, а вместе с ним возвращается Вольфганг: капитан, путешественник, постоянный клиент и надёжный источник раздражения.

В Бирмингеме хватает механиков с громкими фамилиями, внушительными бородами и вывесками на полдома, однако корабль Вольфгана неизменно оказывается на моей площадке. Если я требую заменить трос или отложить вылет, он может выругаться на цену, сроки и устройство мира — но выполнит. В воздухе его жизнь держится в том числе на моих руках, и он это понимает.

Он готов подняться в воздух на машине, которую я собрала, но не готов взять меня с собой, если испытание может закончиться падением. Однажды после полной переборки руле-

вой системы Вольфган принял мои расчёты без единого вопроса, а на проверочный подъём меня не взял. «Ненужный риск», — сказал он тогда. Я не разговаривала с ним три дня.

На четвёртый он принёс сломанный высотомер и сделал вид, что явился исключительно по делу. Я сделала вид, что поверила. Высотомер, между прочим, оказался исправен. В отличие от наших методов примирения.

Я спускаю ноги с кровати, натягиваю рабочую рубашу и комбинезон, собираю рыжие волосы в высокий хвост. Несколько прядей всё равно выбиваются у висков. Заколки давно проиграли эту войну.

В зеркале над умывальником мелькает привычное отражение. Рубаша тянет в плечах — ремни, тросы и ящики с деталями давно собрали меня под собственные нужды. Невысокую, крепкую и устойчивую. Для изящного падения в обморок не хватает свободного времени и подходящей поверхности.

Ремень с инструментами привычно ложится на талию. На кухне я отрезаю хлеба с сыром и половину съедаю на ходу.

Город за окнами не просыпается — запускается. Бирмингем шипит паром в переулках, гремит воротами цехов, пахнет углём, железом и озоном из квартала магов на Брод-стрит. Фонарщики гасят последние газовые рожки. По мостовой катят тележки с углём и грохочут первые кэбы. Подмастерья несут ящики с деталями, конторские мальчишки торопятся с папками под мышкой.

У перекрёстка фырчит маленький паровой омнибус. Кондуктор стучит по поручню, зазывая рабочих к докам, и тщетно пытается перекричать газетчика с последними городскими скандалами. Бирмингему некогда быть нарядным.

На двери мастерской висит потёртая табличка с нашей фамилией. Родители заказали её, когда мне исполнилось восемнадцать. Отец протянул мне ключи и сказал, что хороший мастер рано или поздно должен получить место, где никто не переставляет его инструменты. Я переспросила, не ошибся ли он дверью и ребёнком. Он ответил, что дверью — возможно, а дочерью доволен.

Тогда мне казалось, что подарить человеку целый цех можно только в шутку. Теперь это мой мир — со всеми его скрипами, счетами, разрешениями и пятнами масла на рукавах.

Фамилия на вывеске многое упрощает. Файерхоллов в Бирмингеме знают и уважают. Иногда мне хочется выяснить, сколько заказчиков пришли бы сюда, останься на табличке только моё имя.

Я никогда не спрашиваю.

Рядом с фамильной вывеской висит латунная пластина городского допуска: номер мастерской, знак ремесленной гильдии и вмятина у края, оставшаяся после последней проверки. Без этой пластины мой цех был бы комнатой с инструментами. С ней это мастерская, которой разрешено касаться воздушных кораблей. В Союзах романтика заканчивается там, где начинается лицензия.

На площадке уже светло. Металл вбирает утреннее солнце, и от блеска режет глаза. Я подхожу к дирижаблю, провожу ладонью по обшивке и проверяю главное: крепления, тросы, рулевые винты, натяжение боковой растяжки.

Вольфган называет свой дирижабль «Сапсаном». Слово появилось давно, закрепилось незаметно и подходит кораблю куда лучше гильдейской латыни: быстрый, упрямый, созданный для высоты и не умеющий долго оставаться на земле.

На правой стойке нахожу свежий след вибрации.

— Солнце только взошло, а ты уже работаешь, — раздаётся позади низкий голос, сонный и чуть хриплый.

Я не оборачиваюсь.

— Сколько ты спал?

За спиной возникает пауза. Вольфган явно прикидывает, можно ли соврать человеку, который слышит износ подшипника через две перегородки.

— Четыре часа сорок минут.

— Это не сон. Это техническая остановка.

— Мне помогло.

Я подтягиваю крепление и только после этого поворачиваю голову.

Вольфган стоит у трапа, поправляя манжету дорожной рубашки. Высокий, широкоплечий, с дорожной усталостью в тёмно-синих глазах и тем выражением лица, с каким люди спорят одновременно с погодой, картой и собственной бессонницей. Снова ночевал у штурвала.

Одну манжету он застегнул ровно, вторую — на соседнюю петлю. Для любого другого это мелочь. Для Вольфгана, способного заметить отклонение курса на четверть деления, — почти официальное признание поражения.

На рукаве вышит герб Гильдии исследователей: дирижабль, пересечённый стрелкой компаса, и инициалы — В. Э. Вольфган Эррол. Чтобы никто не перепутал. Включая его самого после четырёх часов сорока минут сна.

— Почему не спишь? — спрашиваю я.

Он прикрывает глаза ладонью и смотрит на бледное бирмингемское небо.

— Хотел полюбоваться солнцем.

— Можно подумать, ты раньше его не видел.

— Над Бирмингемом оно особенно впечатляет. Каждый луч ведёт неравный бой с сажей.

Я указываю ключом на его запястье.

— Манжета.

На лице ничего не меняется, однако рука замирает.

— Новый способ застёгивать рубашку.

— Смелый.

— Экспериментальный.

Он расстёгивает манжету. Со второй попытки пуговица попадает в нужную петлю.

— Никому не рассказывай.

— Молчание мастера стоит дорого.

— Внесёшь в счёт.

Я возвращаюсь к стойке.

— Будешь мешаться — зашибу ненароком.

— Я ценю твою предсказуемую нежность, Клэр.

В его голосе появляется тепло, но улыбка не доходит до лица. Усталость держится глубже обычного.

Большинство мужчин сначала видят во мне барышню, перепутавшую гаечный ключ со спицами. Потом замечают фамилию на вывеске. Лишь после этого — если день выдался удачный — механика. Вольфган не спрашивает, когда вернётся отец, не проверяет мои выводы у соседа и не лезет в разобранный узел, чтобы показать, что тоже умеет держать ключ.

Я всё равно огрызаюсь. Привычка выработалась быстрее доверия: если первой не обозначить границу, кто-нибудь обязательно начнёт говорить медленнее, объяснять очевидное и торговаться за твою же работу.

С Вольфганом сложнее. Тех, кто не верит, достаточно поставить на место. Он верит, слушает и запоминает.

Я снимаю с ремня другой ключ. Работа возвращает телу порядок: плечо тянет, ладони вспоминают вес металла, ступни сами находят устойчивую точку. Я уступаю в силе грузчикам и капитанам, зато умею повторить точное движение столько раз, сколько потребуется, чтобы из мелких усилий снова получился целый корабль.

— На правой стойке пошла вибрация, — говорю я.

Вольфганг подходит ближе, но к механизму не прикасается. Правила мастерской он усвоил давно.

— Насколько плохо?

— Пока она только намекает. Ещё один дальний перелёт — начнёт выражаться яснее.

— Тогда меняем.

— А я и не спрашивала.

Вместе с Вольфгангом подступает холод утреннего воздуха и знакомый запах кожи и яблока с корицей. Почти пирога — до смешного домашний для человека, способного выстроить оборонительный периметр вокруг чайной чашки.

Он берёт со стола небольшую шестерёнку и перекачивает её между пальцами. Слишком долго. Зубья целы, трещин нет. Рассматривать там нечего. Он пришёл не только проверить корабль и теперь пытается найти в чужой детали инструкцию к разговору.

— Что произошло? — спрашиваю я.

Большой палец останавливается на краю шестерёнки.

— Почему обязательно что-то произошло?

— Ты молчишь уже двадцать секунд и не проверяешь мой вывод. Либо что-то произошло, либо тебя подменили.

Он выдыхает через нос.

— Скажи... ты смогла бы уехать?

Ключ в моей руке замирает.

— Куда?

— На Запад. В Лондон. Не на ярмарку и не в гости. Собрать жизнь в один чемодан и не знать, когда вернёшься.

Лондон.

Город, где можно исчезнуть и собрать себя заново. Где над дверью не будет фамильной таблички, соседи не вспомнят меня двенадцатилетней, а заказчики не станут рассказывать, как хорошо знают моего отца.

Когда-то я представляла собственную мастерскую у доков: тесную, шумную, мою. Потом родители подарили мне этот цех, брат всё чаще забывал возвращаться из своих опытов к обычной жизни, и мечта стала похожа на неблагодарность по отношению ко всему, что семья уже построила для меня.

Хуже всего, что Вольфганг её помнит. Я рассказала ему о Лондоне всего однажды, несколько лет назад, разглядывая карту между двумя ремонтами. Потом рассмеялась и сменила тему. Любой воспитанный человек понял бы намёк и забыл.

Вольфганг редко хранит слова там, где можно сохранить маршрут, срок или повреждённый узел. Зато он помнит, какую карту ты задержала в руках и на каком слове решила отступить. Очень неудобное качество для человека, которого я предпочитаю считать постоянным клиентом.

— Почему ты спрашиваешь?

Он переводит взгляд на дирижабль.

— Потому что когда-то ты этого хотела.

— Когда-то Ксандр хотел создать вечный двигатель.

— Он всё ещё хочет.

Вольфганг кладёт шестерёнку точно на прежнее место. Даже сейчас, когда пальцы выдают напряжение, он совмещает её край со следом в древесной пыли.

— Тебе предложили маршрут? — спрашиваю я.

— Пока нет.

— Тогда зачем этот разговор?

— Я хотел знать твой ответ.

— У меня здесь мастерская, дом, заказы. Ксандр.

— Это список.

— Это моя жизнь.

Он медленно кивает, без попытки спорить.

От этого становится только хуже.

Я налегаю на ключ сильнее, чем требуется.

— Если пришёл философствовать, делай это молча. Разговоры мешают, когда у меня в руках металл.

Вольфганг рассматривает моё лицо ещё мгновение, затем отступает.

— Принято. Вопрос отложен.

— Похоронен.

— Ты плохо знаешь гильдейскую канцелярию. Там ничего не хоронят без трёх копий и подписи архивариуса.

Его голос снова становится привычно ровным, но шестерёнку он больше не трогает. Вольфганг достаёт карманные часы, сверяет время и защёлкивает крышку.

— Мне пора в контору. Рассчитывал управиться за два часа, но меня ждут отчёты по экспедиции и совет Гильдии. Если заседание затянется, пришлю записку.

— Значит, к обеду?

— Постараюсь.

Он делает шаг к трапу, затем останавливается и оборачивается.

— Я скоро.

— Постарайся не воевать с канцелярией.

— Если они начнут первыми, ничего не обещаю.

На этот раз он улыбается — коротко, одним уголком губ. После этого уходит в город. Я смотрю ему вслед дольше, чем требуется, и возвращаюсь к работе.

На краю стола лежат книги, которые вчера притащил мой младший брат — Ксандр: две по воздушным механизмам, одна по старым магическим контурам и ещё одна явно не по теме — значит, по его мнению, самая важная. Между томами обнаруживается яблоко с одним аккуратным куском.

Вчера я выдала его брату вместе с прямым указанием съесть целиком. Он же выполнил ту часть распоряжения, которую счёл научно обоснованной. Я кладу яблоко поверх книги по контурам. Возможно, если еда перекроет текст, он случайно заметит её при следующем визите.

Брат живёт в нашей квартире у библиотеки. Там рядом архивы, отцовский стол, мамино кресло у окна и достаточно тишины, чтобы забывать о еде с академической последовательностью.

В доме при мастерской у него тоже есть комната: узкая, заставленная книгами, стеклянными банками и медными стойками. Доску я давно перестала отмывать от меловых кругов. Ксандр ставит опыты, практикуется и остаётся ночевать всякий раз, когда его «ещё пять минут» превращаются в рассвет.

К полудню я меняю два крепления на стойке, подтягиваю трос и разбираю заклинивший фиксатор. Два часа проходят. Потом третий. Записки от Вольфгана нет.

Я несколько раз смотрю на дверь, но не позволяю себе назвать это ожиданием. Совет Гильдии способен поглотить человека на полдня и вернуть с кипой бумаг вместо внятного объяснения. Вольфганг предупреждал, что может задержаться. Кроме того, он взрослый мужчина, капитан и профессиональный исследователь. Всё перечисленное не мешает ему время от времени поступать как упрямый идиот, но сегодня я великодушно оставляю эту возможность без проверки.

День проходит под рабочий перестук. Щёлкает зажим, скрипит тележка во дворе, шипит пар у соседнего цеха. За стеной кто-то трижды роняет ящик и один раз очень выразительно поминает городскую управу.

Около четырёх часов дня я сажусь на пороге с хлебом, сыром и кружкой остывшего чая. На площадке пахнет нагретой древесиной и машинным маслом. Дирижабль заслоняет половину неба, по его обшивке медленно ползёт солнечный блик.

Если Вольфганг собирался предложить мне Лондон, он выбрал отвратительный способ. Если не собирался — ещё хуже.

Я откусываю хлеб и позволяю себе ровно минуту представить другую дверь, другую вывеску и незнакомую улицу за окном. Потом из соседнего двора доносится грохот, чай окончательно остывает, и минута заканчивается.

Ближе к вечеру город постепенно пустеет. Ученик из соседней лавки забирает заказанные заклёпки, курьер приносит счёт за уголь, на улице редуют шаги. Газовые фонари вспыхивают один за другим, и мокрая мостовая начинает блестеть в их свете. Записки по-прежнему нет.

Я заканчиваю со стойкой, вытираю руки и решаю, что подожду ещё полчаса. После этого отправлю в Гильдию мальчишку из соседнего цеха. Не потому, что волнуюсь: мне нужен капитан, чтобы согласовать замену детали. Исключительно рабочий вопрос.

Внизу звенит колокольчик у входной двери. Дважды: коротко, с паузой. Вольфганг всегда звонит именно так. Даже дверному колокольчику он не доверяет полностью.

Напряжение между лопатками ослабевает прежде, чем я успеваю на себя разозлиться.

— Открыто! — кричу я.

Обычно вслед доносится его «Я на минуту», после которого он остаётся на час, или шаги на лестнице.

Дом молчит.

Ни скрипа досок, ни голоса, ни звяканья цепочки часов. Над дверью ещё покачивается колокольчик, выдыхая последний слабый звук.

Я откладываю отвёртку.

— Вольф?

Ответа нет. На лестничной площадке пыль висит ровно. Внизу не шуршит плащ, не скрипит кожа дорожной сумки.

Я подхожу к ступеням и прислушиваюсь. С улицы доносится стук колёс. В соседнем доме закрывают ставни. В глубине мастерской остывает металл.

Всё знакомое. Всё на местах.

Кроме человека, который позвонил.

Я беру разводной ключ — по привычке, как универсальный ответ на любое «что-то не так», — и спускаюсь. В холле никого.

К боковому окну подхожу так, чтобы не вставать напротив стекла, и смотрю на улицу. У ворот пусто. Только хвост кэба исчезает за перекрёстком. На кухне остывает чайник. У двери лежит узкая полоса света, разрезанная рамой на три части.

Со стороны двора едва слышно скрипит петля. Я замираю: служебная калитка должна быть закрыта. Я сама проверяла её после ухода курьера.

Пальцы плотнее обхватывают рукоять ключа. Я открываю дверь в мастерскую и двигаюсь вдоль стены. За спиной остаётся рычаг паровой сирены. Если понадобится, до него три шага.

Калитка приоткрыта на ширину ладони. За ней темнеет проход между домом и складом. Я не выхожу сразу.

— Кто здесь?

За воротами проезжает тележка. Хрипит лошадь, ругается возница. Обычный вечер продолжает заниматься своими делами. Никто не отвечает.

В мастерской так бывает перед обрывом перегруженного троса: металл ещё молчит, ничего не треснуло, а тело уже понимает, что времени осталось мало. Я отступаю к сирене.

В дальнем углу двора движется тень. Человек отделяется от стены и выходит на свет газового фонаря.

На нём тёмный плащ с высоким воротом. Ни привычных пуговиц, ни заметных швов — вещь сшита не по-бирмингемски. На груди узкая металлическая застёжка с восточным узором. На левой руке кольцо с плоской печатью. Лицо скрыто капюшоном.

Звон складывается в правильный порядок. Незнакомец позвонил как Вольфганг: коротко, пауза, второй звон. Этот порядок знают двое, и один из них должен находиться в Гильдии.

Значит, либо Вольфганг прислал кого-то вместо себя, либо наш сигнал знает человек, которому знать его не положено. Первая мысль успокаивает ровно на один вдох.

Я чуть меняю хватку. Головка ключа опускается вдоль бедра, скрытая складкой фартука. До двери — два шага. До сигнального рычага — три. Незнакомец стоит так, что одним движением сможет отрезать меня от обоих.

Он пока ничего не сделал.

Именно это беспокоит сильнее всего.

Покупатели смотрят на вывеску. Курьеры — на адрес. Люди, которым нужна помощь, ищут лицо. Этот изучает мастерскую.

Я смещаюсь ещё на полшага, сохраняя между нами верстак и не позволяя ему закрыть дверь окончательно. Под подошвой тихо скрипит металлическая стружка. Звук выходит слишком отчётливым.

Незнакомец медленно откидывает капюшон. Лицо у него обычное. Такое можно встретить в очереди, увидеть напротив в омнибусе и забыть через минуту. Может, я принимаю осторожность за угрозу? Может, передо мной человек, которому просто велели найти мастера Файерхолл?

Всё портят глаза. Они скользят по ремню с инструментами, рукам, ногам, расстоянию до сирены. Задерживаются на ключе возле моего бедра.

— Чем могу помочь? — спрашиваю я.

Голос звучит ровно и по-деловому. Так я разговариваю с заказчиками, которые ещё не решили, будут ли платить. И с механизмами, которые могут взорваться от неверного движения.

Незнакомец чуть наклоняет голову, затем делает шаг. Не на меня — в сторону, перекрывая путь к рычагу.

Я поднимаю ключ.

— Ещё один шаг, и помощь вам понадобится больше, чем мне.

Он не отвечает. На металлической застёжке вспыхивает тонкая линия, и в воздухе появляется запах озона.

Я разворачиваюсь к сирене. Пальцы разжимаются, ключ ударяется о камни.

Я пытаюсь согнуть хотя бы один палец, сделать шаг. Тело слышит команду, но команда приходит не от меня. Незнакомец приближается спокойно. Он уже знает, что я не успею.

Заставляю левую ногу сдвинуться на несколько сантиметров. Колено дрожит, подошва скребёт по камню.

Недостаточно.

Он перехватывает мою руку выше локтя, не давая упасть сразу. Короткий удар приходится сбоку под ухо, и двор наклоняется.

На последнем мгновении я вижу раскрытую калитку, лежащий у ног ключ и золотой край дирижабля над крышей. Вольфганг обещал вернуться.

Мир гаснет раньше, чем я успеваю решить, злюсь на него или боюсь.

Часть 1 "Поломка". Глава вторая

*«Контур северной стены: три разрыва. Медная жила заменена.
Повторная проверка — дом держится».
— Рабочая тетрадь мастерской Файерхолл*

Голова раскалывается. Внутри методично и без чертежей собирают дирижабль, причём молоток мастера работает исключительно по моим вискам.

Я приоткрываю глаза. Передо мной расплывается тёмный силуэт, рядом движется свет — и темнота снова затягивает меня. Во второй раз выходит лучше.

Во рту сухо. Руки затекли, тело выполняет команды с задержкой. Значит, пролежала я не час и не два. Я медленно приподнимаюсь, цепляясь за край койки, и жду, пока помещение перестанет двигаться отдельно от пола.

За ушами тянет. Боль сидит ниже, под кожей, и медленно ползёт к затылку. Пальцами проверяю шею, основание черепа, место под ухом. Припухлости нет. Кожа не горячая. Только неприятное внутреннее давление, которому там нечего делать.

Я втягиваю воздух. Корица. Печёное яблоко. Чёрный чай, кожа и немного кедра. Под ними проступает машинное масло.

Либо я окончательно повредила голову, либо нахожусь на корабле Вольфгана. Второе пока удобнее.

Открываю глаза полностью. Тёмная деревянная обшивка, латунные крепления, узкая койка. На полке над столом всё лежит с той степенью точности, которая у обычного человека называется порядком, а у Вольфгана — минимальными требованиями к существованию. Карты свёрнуты в трубки одного размера, часы закреплены в держателе, дорожный кофр придвинут к стене.

Личная каюта капитана.

Почему я здесь?

Последнее воспоминание возвращается обрывками: открытая калитка, человек в тёмном плаще, вспыхнувшая линия на застёжке. Запах озона. Ключ, выпавший из руки. И два звонка: короткий, пауза, второй.

От мысли, что незнакомец скопировал привычку Вольфгана, становится холоднее, чем от металлической стены за спиной.

У порога тянется тонкая светлая линия. Мел смешан с солью и сухим воском. В углу лежит маленький камень с насечкой; в глубине мерцает пепельно-голубой огонёк.

Контур.

Ксандр рисовал их с детства — на досках, стекле, старых чертежах, однажды на кухонном столе. Мама неделю называла его нашим маленьким разрушителем мебели, а брат пытался доказать, что стол получил дополнительную защиту и должен быть благодарен. С возрастом линии перестали быть игрой.

Один контур запирает вход надёжнее засова. Другой предупреждает о чужой магии. Удерживающий принимает удар на себя и передаёт тому, кто замкнул схему. Обычно вторым концом оказывается Ксандр.

Брат может сколько угодно говорить о распределении нагрузки и правильных опорных точках. Суть проще: пока линия светится, он расплавляется руками, дыханием и часами сна, которые и без магии считает необязательными.

Но этот камень почти не расходует силу. Контур ждёт внешнего воздействия. Значит, воздух в каюте натянут не для того, чтобы удержать меня. Он защищает от того, что может войти.

Я опускаю ноги на пол. Колени на секунду подламываются, но голова уже выстраивает привычный порядок: опора, обзор, выходы, источники опасности.

Паниковать будем после диагностики.

Медленно выхожу из кабины на открытую палубу. Ночь встречает холодом и влажным ветром. «Сапсан» стоит над моей ремонтной площадкой, удерживаемый швартовочными тросами. Под нами Бирмингем горит цепочками газовых фонарей, дышит паром и с высоты выглядит непривычно тихим: сеть улиц, трубы, мокрые крыши, тёмные провалы дворов. По мосту медленно ползёт последний омнибус. За ним поблёскивают экипажи.

У ограждения сидит Вольфган. Локти лежат на коленях, сцепленные руки опущены между ними. Он смотрит на город, но по неподвижным плечам видно: ничего там не замечает.

Я задерживаюсь на пороге. Доска едва слышно скрипит.

— Ты проснулась, — говорит он, не оборачиваясь.

— Выдающаяся наблюдательность.

Голос царапает горло.

Вольфган поднимается так быстро, что ладонь на мгновение ложится на рукоять кортика. Увидев меня, он убирает руку. От утренней усмешки не осталось следа. Только собранность, доведённая до предела.

— Не спеши. Если закружится голова, сядь.

— Я ещё стою.

— Вижу. Поэтому пока не вмешиваюсь.

Он подходит, но останавливается на расстоянии шага.

— Я видела человека в капюшоне, — говорю я. — Он позвонил как ты. Потом на его застёжке вспыхнула линия. Дальше ничего.

Вольфган медленно кивает. Его взгляд задерживается на месте под моим ухом.

— Когда ты вернулся, он ещё был там?

— Нет.

Ответ выходит коротким и слишком ровным.

— Меня задержали в конторе. Отчёт, повторный разбор экспедиции. Я отправил записку, но курьер принёс её обратно: дверь была закрыта.

Вольфган поправляет манжету. Пуговица находится в правильной петле, однако он проверяет её ещё раз.

— Когда я добрался до мастерской, уже стемнело. Калитка была открыта. Ты лежала во дворе.

— Следы были?

— Один человек. Мягкая обувь, узкая подошва. Вошёл через служебную калитку и ушёл там же. На камнях остался серый налёт — след магической печати.

Большой палец снова касается пуговицы.

— Я сказал, что вернусь к обеду, — добавляет он.

— Ты не мог знать, что на меня нападут.

— Не мог.

Он смотрит мне в лицо. В тёмно-синих глазах нет ни усталой иронии, ни привычной уверенности.

— Но меня не было рядом.

Если оставить его с этой мыслью, к утру Вольфган превратит чужое нападение в собственную ошибку, составит список нарушений и приговорит себя по каждому пункту.

— Вольф.

Он едва заметно напрягается. Сокращённое имя я использую редко и почти никогда — всерьёз.

— Человек пришёл подготовленным. Он знал дом, твой сигнал и он маг. Это сделал он. Не ты.

Вольфганг опускает взгляд на свои руки.

— Я понимаю.

— Нет. Ты услышал слова и положил их рядом с остальными доказательствами. Это не одно и то же.

Он проводит большим пальцем по костяшке. Кожа там содрана, в неглубоком порезе запеклась кровь.

— Я нашёл тебя без сознания, Клэр.

Голос становится тише. Я перестаю искать правильный довод. Некоторые вещи нельзя починить фразой, даже если очень хочется притвориться мастером на все случаи жизни.

— Но нашёл, — отвечаю я.

Вольфганг поднимает голову.

— Нашёл, — повторяет он.

Ветер трогает край его рубашки. Внизу выпускает пар ночной локомотив.

— Почему я на корабле?

Вольфганг снова собирается. Вопрос возвращает ему задачу.

— Дом был открыт, защитные линии не отвечали. Я не знал, что нападавший оставил внутри. Перенёс тебя сюда после осмотра врача.

— Врача?

— Судового. Он проверил место удара, дыхание и реакцию зрачков. Повреждения, которое могло бы объяснить потерю сознания, не нашёл. Через шесть часов осмотрел тебя снова.

— И?

— Сказал, что ты спишь слишком спокойно для человека с таким пульсом.

— Обнадёживает.

— Мне тоже не понравилась формулировка.

Он кивает на каюту.

— На «Сапсане» я контролирую два входа. При необходимости могу поднять корабль и уйти со стоянки.

За ушами снова тянет. Я прижимаю пальцы к шее.

— Ты не приходила в себя почти сутки.

Мысль падает тяжело и сразу занимает всё свободное место.

— Сколько?

— Двадцать один час.

Я рассматриваю его внимательнее. Та же рубашка, что была утром, только ворот расстёгнут. На рукаве засохла грязь, под глазами залегли тени. Щетина темнее обычного.

— Ты всё это время был здесь?

— Я отходил отправить записки.

— Значит, почти всё.

— Корабль сам себя охраняет хуже, чем утверждает изготовитель.

Ответ слишком подробный, чтобы считаться возражением.

— Кому записки?

— Ксандру и магистру.

Я киваю на линию у порога.

— Это твоя работа?

— Готовый гильдейский контур. Я замкнул его сигнальным камнем.

— Сам?

— Замкнуть готовую схему способен любой человек, который умеет читать инструкцию и не наступать на линии.

— Ксандр был бы глубоко оскорблён таким определением магии.

— Именно поэтому я не собираюсь ему рассказывать.

Я присматриваюсь к контуру. Под мелом мерцает тонкий свет. От линии тянет сухим воском, солью и озоном.

Ноги начинают дрожать. Я опускаюсь на ограждение прежде, чем они сделают выбор за меня. Вольфганг садится рядом — достаточно далеко, чтобы не стеснять, и достаточно близко, чтобы перехватить, если тело снова откажется сотрудничать. У него раздражающе естественно получается занимать место между человеком и возможной бедой, не называя это заботой.

Палуба кренится. Ладонь сама находит его запястье, пальцы сжимают кожаную манжету. Вольфганг замирает, затем медленно разворачивает руку ладонью вверх, предлагая более надёжную опору.

Горизонт возвращается на место. Я отпускаю его.

— Голова.

— Понял.

Внизу пар вырывается из трубы и растворяется над улицей. Где-то на юге скрипит грузовая мачта. Ночной воздух приносит запах угля, мокрого железа и реки.

Рядом с Вольфгангом отчётливо ощущаются кожа, холодный металл и можжевельник. Корица держится ближе к телу, а яблочная сладость остаётся в тепле расстёгнутого ворота. Раньше я замечала этот запах только после долгого перелёта или когда он склонялся над верстаком. Сейчас различаю каждый слой.

Слишком ясно.

Машинное масло. Канаты. Дорожная пыль. Чёрный чай. Кедр, впитавшийся в обшивку «Сапсана». Четыре года ремонтов, задержанных вылетов и присутствия Вольфгана в моей мастерской — чаще, чем полагается постоянному клиенту.

Это не запах одежды или корабля. Это он сам.

Я сжимаю холодный металл ограждения. Если я чувствую его так ясно, значит, изменилось не обоняние.

Изменилось что-то во мне.

— Клэр.

В голосе Вольфгана появляется жёсткость.

— Ты меня слышишь?

Я заставляю себя посмотреть на него.

— Да.

Он изучает моё лицо, проверяя не ответ, а то, сколько меня за ним осталось.

Я отворачиваюсь к городу. Бирмингем продолжает работать: шипит, стучит, горит редкими огнями. У него по-прежнему есть порядок — трубы, колёса, фонари, ночные маршруты.

Собственную схему я больше не понимаю.

Ксандр появляется перед рассветом. Поднимается по трапу почти бегом, одной рукой придерживая очки, другой — дорожный саквояж, набитый книгами. Рубашка застёгнута не на те пуговицы, рыжие волосы торчат во все стороны.

Увидев меня на палубе, он резко останавливается. Плечи опускаются — только на секунду.

— Ты сидишь, — говорит он.

— В нашей семье сегодня день выдающихся наблюдений?

Ксандр не отвечает. Ставит саквояж на доски и опускается передо мной на корточки.

— Посмотри на свет.

Я послушно смотрю. Ксандр проверяет зрачки, пульс, место удара. Пальцы у него холодные и едва заметно дрожат.

— Ты ел? — спрашиваю я.

— Это не относится к обследованию.

— Значит, нет.

— Следи за светом.

— Я слежу. И осуждаю тебя одновременно.

Он поправляет очки.

— Координация?

— Возвращается.

— Тошнота?

— Нет.

Ксандр берёт из саквояжа блокнот и записывает ответы.

— Изменения слуха?

— Пока нет.

— Зуд?

— За ушами.

Карандаш останавливается.

— С обеих сторон?

— Да.

Он осторожно ощупывает кожу, затем переходит к контуру у порога. Долго рассматривает светлую линию, проверяет насечку на камне и только после этого разворачивает свёрток с серым налётом, который Вольфган соскоблил во дворе.

Несколько крупинок прилипли к стеклу. Ксандр подносит его к свету, потом снимает очки и начинает протирать их краем рукава. Он делает это всегда, когда ответ уже есть, но ему не нравится.

— Ну? — спрашиваю я.

— Воздействие направленное. След закреплён печатью и связан с внутренним откликом.

— Каким?

— Пока не знаю.

Он надевает очки и снова смотрит на образец.

— Частицы не содержат активной магии. Они только сохраняют направление, как стрелка компаса после сильного поля. Значит, основное воздействие уже находится не здесь.

Палец Ксандра висит над стеклом.

— А во мне, — заканчиваю я.

— Вероятно.

Вольфган отходит от ограждения.

— Что нужно, чтобы выяснить точно?

Ксандр закрывает образец пробкой.

— Архивы. Старые записи о магических метках, изменении формы.

— В Академии?

— Основной фонд закрыт. Копии хранятся в Гильдии, в Сансити.

Вольфган уже достаёт часы.

— Мой допуск откроет хранилище.

Он собирается лететь в столицу сразу и вернуться к полудню. Перед отлётом предлагает взять меня с собой. Формулирует это как разумную меру безопасности, но слишком часто смотрит в сторону гильдейского лазарета.

— Нет, — отвечаю я.

Вольфганг застёгивает ремень портупей.

— Тот, кто напал на тебя, знает мастерскую.

— Именно поэтому я не собираюсь отдавать ему ещё и дом.

— Речь не о доме.

— Для меня — о нём.

Он хочет возразить, однако смотрит на меня, затем на закрытую дверь мастерской.

— Почему ты хочешь остаться?

Вопрос звучит иначе, чем приказ: он действительно ждёт ответа.

— Здесь защита, инструменты и знакомое пространство. Со мной будет Ксандр.

Брат кивает.

— Я останусь.

Вольфганг медленно выдыхает.

— Тогда никаких одиночных выходов. Если зуд усилится, вы уходите в дом и замыкаете внутренний контур. Сигнальный камень не трогать.

— Я умею обращаться с камнями, — говорит Ксандр.

— Я обращаюсь к женщине, которая считает запрет на работу неточной формулировкой.

— Справедливо, — признаёт брат.

Я смотрю на него.

— Предатель.

— Я исследователь. Мы зависим от достоверности наблюдений.

Ксандр проверяет старые линии, спрятанные в пороге и оконных рамах. Отец заложил медную сетку ещё при перестройке мастерской, мама настояла на камнях по углам, а брат позже вписал в конструкцию контуры.

Семейная версия здравого смысла: если уж строить дом, то так, чтобы незваному гостю пришлось сначала поспорить с инженерией, потом с магией и лишь после этого — со мной.

Вольфганг вставляет сигнальный камень в углубление у порога. По щели между досками и камнем проходит тонкая пепельно-голубая линия, находит старую медь и замыкается по всему периметру.

— Если защита сработает, камень на «Сапсане» отзовется, — говорит он.

У трапа Вольфганг протягивает Ксандру сложенный лист.

— Здесь последовательность действий и сигналы Гильдии.

— Я умею поднимать тревогу.

Ксандр принимает лист с уважением, которого удостоивает только новая информация.

Я складываю руки на груди.

— Возвращайся с ответами, капитан.

Он задерживает на мне взгляд.

— К полудню.

Теперь это не обещание, а расчёт. Маршрут, время и задача снова стоят на своих местах.

«Сапсан» снимается со швартовов через несколько минут. Винты набирают ход, тросы уходят вверх, и тёмный корпус поднимается над крышами. Золотые линии на светлом аэроостате вспыхивают в утреннем солнце.

Ксандр стоит рядом, пока корабль не исчезает за дымом.

На рабочем столе остаётся ещё одна записка Вольфгана — короткая, как перечень распоряжений:

«Не работай. Не трогай камень у порога. Если зуд вернётся — в дом, дверь на засов, ждать. И не спорь со мной, когда вернусь».

Без подписи и шутки. Только внизу маленькая галочка — след человека, который даже тревогу проверяет на правильность.

Я перечитываю записку дважды, затем кладу под пресс для чертежей. Ксандр читает её через моё плечо.

— Он забыл определить работу, — говорю я.

Брат берёт образец серого налёта и направляется к верстаку. Я перехватываю стеклянную трубку прежде, чем он успевает её открыть.

— Ты идёшь спать.

— Я должен наблюдать за изменениями.

— Наблюдать будешь, когда перестанешь видеть два верстака вместо одного.

— Я вижу один.

— Ты смотришь между ними.

Некоторое время Ксандр оценивает расстояние с болезненной серьёзностью.

Я ставлю перед ним хлеб, сыр и кружку чая.

— Сначала ешь. Потом спишь.

— Если состояние изменится, ты должна меня разбудить.

— Разбужу.

Он не двигается.

— Обещаешь?

— Ксандр.

— Это не ответ.

За точностью и раздражением прячется страх. Брат не знает, что со мной сделали, и потому пытается удержать хотя бы последовательность действий.

— Обещаю, — говорю уже без насмешки. — Если зуд, запахи или боль усилятся, я разбужу тебя сразу.

Плечи Ксандра немного расслабляются. Он съедает хлеб, выпивает чай и уходит в свою комнату при мастерской. Дверь оставляет приоткрытой.

К десяти утра на вторую площадку приводят небольшой гильдейский курьерский дирижабль. Его должны были доставить ещё вчера для замены кормового крепления, но расписание Гильдии переживает события мира с завидным равнодушием.

Пилот протягивает мне ведомость.

— Сказали оставить до завтра.

— Оставляйте. К механизму не прикасаться, паровой клапан не открывать.

— Нам велели разгрузить ящики.

— Тогда разгружайте ящики и радуйтесь, что они не прикручены к двигателю.

Пилот оглядывает меня, решает не спорить и уводит людей.

Работать я не собираюсь. Приёмочный осмотр — не работа. Это проверка того, что привезённая машина не решит развалиться на моей площадке и снести половину крыши.

Я обхожу корпус, проверяю натяжение тросов и поднимаюсь на нижнюю площадку. За воротами стучат колёса экипажей, в соседнем цехе ругаются на паровой подъёмник, в трубе над крышей низко гудит давление. Всё привычно.

На кормовом креплении виден сухой серый налёт. Сначала принимаю его за графитовую пыль. Такие следы остаются после долгой стоянки рядом с подъёмными механизмами. Потом замечаю, что частицы лежат слишком ровно — тонкой дугой вокруг болта.

Точно такой же налёт Вольфганг соскоблил с камня во дворе.

Я замираю, не касаясь крепления. Курьерский корабль всё утро простоял на моей площадке, а до этого несколько дней находился в гильдейском ангаре.

Я отступаю. Нужно разбудить Ксандра.

Поворачиваясь к лестнице, задеваю пальцем острый край скобы. Короткая боль проходит по руке.

— Проклятье.

У ногтя собирается маленькая капля крови. Обычный порез. У механика руки в царапинах треть жизни.

Я достаю ветошь.

Серый налёт на креплении шевелится. Частицы собираются ближе друг к другу и вытягиваются тонкой линией к моей руке.

Я отдёргиваю ладонь. Запах крови достигает меня раньше боли. Под маслом, смолой и горячим металлом проступает что-то тёплое, живое, слишком близкое к телу.

Во рту становится тесно. Я сглатываю.

Отвращения нет. Осознание приходит мгновенно, и от него холодеют ладони.

Мне нравится этот запах.

Нет.

Я зажимаю палец ветошью и спускаюсь с площадки. Нужно дойти до комнаты Ксандра. Несколько шагов. Позвать его. Выполнить собственное обещание.

Резьба на креплении. Царапина на скобе. Узел на тросе. Я перечисляю детали, возвращая мыслям форму.

За ушами начинает тянуть. Давление быстро превращается в боль.

— Ксандр!

Голос срывается и тонет в шуме соседнего цеха. Я делаю ещё шаг, но ноги сворачивают не к дому, а обратно к дирижаблю.

Останавливаюсь у стены и упираюсь в неё ладонью.

— Нет.

Тело не слушает. Под рёбрами распирает что-то дикое и тесное. Оно не говорит, не думает и ничего не объясняет. Только тянется к запаху крови.

Мне нужно дышать. Вдох застревает.

Боль сгибает пополам. Колени ударяются о доски. Сначала жжёт под кожей, потом в костях, затем сразу везде. Пространство сжимается до пола, собственной руки и бешеного пульса.

Я поднимаю пальцы. Ногти вытянулись, потемнели и заострились.

Когти.

Моргаю до боли в глазах. Изображение остаётся прежним.

По запястью проступают чёрно-рыжие волоски — сначала редкие, затем всё гуще. Зуд за ушами раскалывается. Изнутри давит новая форма, и кожа натягивается под ней.

— Нет...

Собственный голос пугает сильнее когтей. Низкий, сорванный, незнакомый.

Я пытаюсь стереть шерсть, содрать её вместе с сажей и кровью. Пальцы скользят по волоскам, паника бьёт в виски.

Нужно к Ксандру.

Я добираюсь до лестницы и хватаюсь за перила. Когти царапают дерево. Нога цепляется за ступеньку, пол подлетает навстречу, воздух выбивает из груди.

Несколько секунд я лежу, вцепившись в доски. Этого не может быть. Сейчас пройдёт.

Над площадкой раздаётся гул винтов — низкий, резкий, знакомый до каждой неисправной ноты. Так не заходят на стоянку. Так садятся, когда разрешение больше никого не интересует.

«Сапсан».

Вольфган вернулся точно к рассчитанному времени.

Я пытаюсь подняться, но тело наливается тяжестью. В голове шумит, давление растёт. Металл снаружи отвечает ударом швартовочного захвата. По палубе проходят быстрые шаги. Звенит лестница.

— Клэр!

Голос Вольфгана прорезает шум. Низкий, собранный, без паники.

Я хочу ответить. Из горла вырывается хриплый звук.

Вольфган появляется в дверях и останавливается. Взгляд за одно мгновение охватывает всё: меня на полу, кровь на ветоши, шерсть на руках, царапины от когтей.

Он опускается на колено, но не прикасается.

— Клэр. Посмотри на меня.

Я хочу сказать: «Не командуй». Получается только судорожный вдох.

В двери дома появляется Ксандр. Он ещё надевает очки на ходу, волосы после сна торчат во все стороны, рубашка помята. Увидев меня, брат останавливается так резко, что плечо ударяется о косяк. Сон исчезает с его лица.

— Не трогай, — выдавливаю я.

Слова царапают горло. Вольфган убирает протянутую руку.

— Не трогаю.

Он не отводит глаз от моего лица.

Ксандр подходит ближе.

— Ксандр, — говорит Вольфган. — Что тебе нужно?

Брат опускается на колено.

— Освободи место. Убери металл от линии и не входи внутрь после замыкания.

Вольфган одним движением отбрасывает ключ и ветошь, затем отступает ровно настолько, насколько требуется. Мел скребёт по доскам.

— Клэр, останься в центре, — говорит Ксандр.

Его голос тихий и точный. Только дыхание сбивается после каждой линии.

— Я стараюсь.

— Знаю.

Он достаёт из кармана первый камень и ставит у моей правой руки. Вторым ложится за спиной. Третий — возле ступеней.

В воздухе поднимается запах соли, мокрого камня, бумаги и воска. В нём узнаётся Ксандр — привычная тишина библиотеки, нарушенная озоном.

— Что происходит? — спрашивает Вольфган.

— Воздействие меняет форму. Мне нужно отделить его импульс.

— Ты сможешь?

Мел в пальцах Ксандра на мгновение замирает.

— Должен.

Он заканчивает окружность. У порога отзывается сигнальный камень. Тонкий звук проходит по мастерской и попадает точно в начальную точку контура.

Линия замыкается серебристым светом. Воздух вокруг меня натягивается.

По контуру проходит первый удар.

Ксандр резко втягивает воздух. Его плечо дёргается, пальцы с мелом прижимаются к полу. Нагрузка находит второй конец.

Боль под кожей не исчезает. Когти врезаются в доски, запах крови остаётся слишком ярким. Но движения замедляются. Между импульсом и телом появляется узкий промежуток.

Достаточный, чтобы снова испугаться.

— Ксандр...

Он поднимает голову. Очки съехали на переносицу. По виску стекает пот.

— Я здесь.

По линии проходит новый удар. Камень возле его руки вспыхивает, и пальцы брата сводит судорогой.

Вольфганг делает шаг.

— Не входи! — голос Ксандра впервые срывается. — Если разорвёшь линию, я не удержу повторное замыкание.

Вольфганг останавливается у самого света. Каждая мышца напряжена, но он остаётся снаружи.

Мысли начинают рваться. Голоса отдаляются, слова теряют форму. Кто-то снова зовёт меня по имени.

Я открываю глаза шире. Вижу белую полосу мела на дрожащих пальцах Ксандра. Его лицо уже бледнее линии, а правая рука плохо слушается.

За контуром стоит Вольфганг. Он тянет ко мне ладонь, но останавливает её в нескольких сантиметрах от моей щеки.

Ждёт разрешения, которого я сейчас не могу дать.

Контур вспыхивает.

Последним исчезает лицо брата.

Часть 1 "Поломка". Глава третья

«Если след однажды зацепился за живое тело, дорога перестаёт быть выбором. С этого момента важно не то, куда человек хочет идти, а кто уже знает, где он находится».

— Закрытая памятка Гильдии исследователей о магических маяках

Темно.

Голоса доносятся издалека, приглушённые и неровные. Один я узнаю сразу — Ксандр. Цепляюсь за него, удерживая дорогу к поверхности.

— ...если температура снова поднимется?

— Гаси контур сразу.

Голос брата тихий и сухой. Он говорит быстрее обычного, но каждое слово ставит осторожно, проверяя, выдержит ли оно вес. От него пахнет белым чаем, бумагой, чернилами и свечным воском. За знакомыми запахами проступают сбитое дыхание, шорох поправленного рукава и долгие паузы между движениями.

Рука дрожит. Он пытается это скрыть.

Как я это поняла?

Второй голос ниже. Спокойствие в нём держится на усилии.

Вольфган.

Корица, печёное яблоко, кожа и холодный воздух помогают вспомнить, где верх. Хочется поверить: достаточно вдохнуть глубже — и всё станет как прежде. Не становится.

Под голосами и запахами движется что-то ещё. Без слов, без мысли. Глубоко под кожей. По рёбрам проходит жар, и контур вокруг меня мгновенно стягивается. Воздух давит на грудь, не позволяя телу развернуться в новую форму.

Я пытаюсь открыть глаза. Веки поддаются не сразу. Комната собирается из пятен, теней и тонкой полосы света под дверью.

Потолок знакомый. Моя спальня при мастерской.

Облегчение длится один удар сердца. Следом возвращается память: серый налёт, кровь на пальце, когти, серебряная линия на досках и лицо Ксандра, ставшее бледнее мела.

Я резко поднимаю руки. Кожа светлая, ногти короткие, сбитые у краёв. Под одним осталась тонкая полоска масла.

Обычные. Мои.

Я сажусь и хватаюсь за край кровати. Комната уходит в сторону. Голова ноет, колено перетянато бинтом. На мне широкая мужская рубашка с закатанными рукавами, пахнувшая кедром, кожей и едва заметной корицей.

Лучше не думать, что произошло с моей одеждой и кому пришлось решать эту задачу.

Пальцы поправляют спутанные волосы и натыкаются на что-то мягкое. Я медленно поднимаю руку выше.

Пушистое.

Такого в человеческой сборке не предусмотрено.

До зеркала добираюсь, держась за стену. Отвернуться хочется сильнее, чем посмотреть, но неизвестность уже успела собрать в голове варианты один хуже другого.

Из отражения на меня смотрит женщина с моим лицом, собранная по чужому чертежу. Волосы спутаны, на коже свежие царапины, серо-зелёные глаза стали светлее.

На макушке торчат уши. Рыжие. Лисьи. Полноценные, наглые и совершенно живые.

Я медленно опускаю взгляд.

За спиной — хвост. Он дёргается сам по себе.

— Пресвятые дирижабли...

Я поворачиваюсь одним боком, другим, наклоняю голову и проверяю отражение под разными углами. Прибор явно неисправен, но стрелка не заела.

Уши поворачиваются к двери раньше, чем я слышу шаги. Тихие и осторожные. Ксандр с детства ступает так, когда несёт нечто хрупкое или надеется не встретиться с последствиями собственного эксперимента. Запах бумаги и чернил становится ближе.

Щёлкает ручка.

Брат входит в тёмном жилете и рубашке со стоячим воротником. На цепочке у лацкана висит ученический знак младшего мага — тонкая латунная пластина с контурным кругом и номером курса. Очки съехали на переносицу, рыжие волосы зачёсаны назад, но одна прядь выбилась у лба. Под голубыми глазами лежат серые тени, по нижнему веку тянется красная нить сосуда.

Ночь победила его в честном бою. Ксандр пока отказывается это признавать.

Он останавливается у двери. Взгляд быстро проходит по моему лицу, рукам, ушам и хвосту.

— Привет, сестрёнка, — произносит он своим обычным негромким голосом. — Скажи, что сейчас болит.

Я не могу выбрать, с чего начать.

— У меня уши.

— Вижу.

— И хвост.

— Тоже вижу.

— Тогда зачем ты спрашиваешь, что болит?

Ксандр поправляет очки.

— Потому что наличие хвоста не исключает головной боли, нарушения координации или внутреннего кровотечения.

Он пытается вернуть нас в знакомый порядок: вопрос, наблюдение, вывод. Проблема в том, что хвост в этот порядок не помещается.

— Объясни, что происходит.

Последние слова выходят тише, чем я хотела. Ксандр делает шаг ближе, но не подходит вплотную. Смотрит на мои уши и ждёт, пока они перестанут прижиматься к голове.

Из коридора доносится второй голос:

— Клэр.

В дверях стоит Вольфган. Волосы ещё влажные после умывания, но рубашка прежняя. В голове у него уже готов десяток распоряжений, и ни одно не подходит для начала разговора.

Взгляд цепляется за мои уши, затем опускается к рукам, сжатым у груди.

— Лисёнок, — вырывается у него.

Тишина становится почти осязаемой.

Вольфган замирает. На скулах появляется цвет.

— Нет. Не то слово. Прости. Клэр, тебе лучше сесть.

— Лисёнок?

Хвост за спиной резко взмахивает и ударяет по краю кровати. Вольфган следит за ним глазами.

— Я не выспался.

— Ты никогда не высыпaeшьcя. Раньше это не заставляло тебя давать имена частям моего тела.

Ксандр снимает очки и прижимает пальцы к переносице.

— Если мы закончили выяснять терминологию...

— Мы только начали, — говорю я.

На правой ладони Вольфгана замечаю свежий ожог — узкую красную полосу. Он сразу убирает руку в карман, но поздно. Так обжигаются, если слишком долго держат активный камень и не отпускают, когда контур начинает отдавать накопленное тепло.

Я перевожу взгляд на брата. Под ногтями Ксандра забился мел, два пальца перевязаны узкими полосками бинта. Правая кисть лежит вдоль тела слишком неподвижно.

Злость поднимается быстрее страха. С ней проще. Она знакомая и не отращивает хвостов.

— Сядь, — говорю Вольфгану.

— Я в порядке.

— Желательно на собственную руку.

Он не двигается.

— Кто держал сигнальный камень?

— Я.

— Пока он не начал жечь?

— Пока Ксандр не замкнул удерживающий контур.

Ответ звучит точно и спокойно. Доклад о расходе топлива. Ни слова о том, как он схватил активный камень сразу после посадки и сколько времени не разжимал ладонь.

— Решил, что одной чужой магии под моей кожей мало?

Челюсть Вольфгана напрягается.

— Решил, что тебя лучше не терять.

Злость спотыкается.

Я отворачиваюсь к зеркалу. Хвост опускается на пол и выдаёт больше, чем лицо.

— Пожалуйста, сначала выслушай, — говорит Ксандр.

В отражении вижу, как за окном проходят торговые дирижабли. Они держат курс уверенно и неторопливо. Для них мир по-прежнему состоит из давления, высоты и маршрута.

— Что со мной случилось?

Ксандр подходит и аккуратно кладёт руку мне на плечо.

— Мы не знаем всего. Но часть воздействия удалось определить и остановить.

— Остановить или снять?

Он не отвечает.

— Что ты нашёл в столице? — спрашиваю Вольфгана.

Тот вынимает из внутреннего кармана сложенный лист, но не протягивает мне. Сначала смотрит на Ксандра, оставляя объяснение ему.

Брат надевает очки.

— В закрытой сводке это называется направленным обращением. Магическая печать создаёт узел, который закрепляется в теле и постепенно меняет его форму.

— Постепенно?

Я смотрю на хвост.

— У магов странное представление о скорости.

— Вчера изменение было сильнее, — тихо говорит Ксандр. — Значительно.

Уши прижимаются к голове сами.

— Как я выглядела?

Вольфган отводит взгляд к окну. Ксандр остаётся напротив меня.

— Ты стала выше и тяжелее. Комбинезон разорвался. На руках появились когти, тело покрылось рыжей шерстью. Изменилась форма лица.

Он запинается всего на миг. Какая-то часть брата всё ещё находится на полу мастерской перед существом, которое раньше было его сестрой.

— Я узнавала вас?

Ксандр опускает взгляд на перевязанные пальцы.

— Не знаю.

Честный ответ оказывается страшнее уверенного «нет».

— Ты реагировала на голоса, но я не могу доказать, что понимала слова. После замыкания контура несколько раз пыталась вырваться.

Вольфганг медленно добавляет:

— Ты остановилась, когда Ксандр позвал тебя по имени.

Брат качает головой.

— На секунду.

— Остановилась, — повторяет Вольфганг.

Ксандр не спорит.

— В архивной записи изменение названо чёрным проклятием, — продолжает он. — В полнолуние подобные узлы усиливаются. Могут перехватывать реакции на страх, угрозу, голод и кровь.

— Перехватывать тело?

— Да.

— И меня?

Ксандр снимает очки. На этот раз не протирает их — просто держит в руке.

— Если узел продолжит встраиваться, ты можешь перестать отличать собственный импульс от вложенного.

Несколько секунд я не могу вдохнуть. Страшно не измениться снова. Страшно поддаться чужому желанию и принять это за своё. Я отступаю к кровати и сажусь. Хвост тяжело ложится рядом.

— Что сделал контур?

— Вернул человеческую форму настолько, насколько смог, — отвечает Ксандр. — Остаточное изменение удержалось: уши, хвост, слух, обоняние. Возможно, есть и другие последствия, которые мы пока не видим.

— Он может вернуть остальное?

— Удерживающий контур не лечит. Он не разбирает узел, только мешает ему раскрыться полностью.

Слова даются брату тяжело.

— Если бы я знал, как снять проклятие, я бы снял.

— Ты за него платишь?

— Когда контур принимает нагрузку.

— Это я уже поняла. Сколько?

Ксандр поправляет перевязку на пальцах.

— Пока терпимо.

— Ты врёшь хуже Вольфгана.

— Благодарю, — отзывается капитан.

Я поворачиваюсь к нему.

— Это не похвала.

— В данных обстоятельствах беру всё, что предлагают.

Сухость возвращается в его голос осторожно.

Я провожу ладонями по лицу. Новые уши улавливают шорох рубашки Ксандра, движение Вольфгана у двери, шум воды в трубе за стеной. Слишком много мира разом.

Под рубашкой у груди что-то светится. Я вытаскиваю цепочку. На ней висит зелёно-голубой камень в тонкой металлической оправе. В глубине горит спокойный свет.

— Что это?

— Маскирующий оберег, — отвечает Ксандр. — Для большинства людей ты выглядишь как раньше.

— Я могу выйти на улицу с хвостом, а булочник пожелает мне доброго утра?

— Если не наступит на него.

Я смотрю на брата.

— Очень полезное уточнение.

— Оберег меняет восприятие, а не тело. Окружающие увидят привычный силуэт, но прикосновение почувствуют. В толпе нужно держать хвост ближе к ногам и не позволять людям задевать уши.

Хвост тут же оборачивается вокруг щиколотки.

— Он меня понимает?

Ксандр склоняет голову.

— Скорее, реагирует на твоё состояние раньше сознательного движения.

— Прекрасно. Теперь у моего раздражения есть отдельный указатель.

— Оберег накладывает поверх настоящей формы привычный образ, — продолжает брат. — Как второй чертёж на прозрачной бумаге. Взгляд достраивает ожидаемые линии и пропускает лишние.

— Закрашивает трещину.

— Да. Он не чинит и не защищает. Только убеждает окружающих, что отклонения нет. От камня пахнет холодным стеклом, белым чаем и сухой бумагой после долгого хранения. Мир действительно любит ложь, если оформить её достаточно аккуратно.

Ксандр берёт чистый лист, но карандаш над ним не опускает.

— Изменение не ограничилось внешностью, Клэр. Узел уже встроился в тело. Тебя...

Он ищет слово.

— Перековали.

Я сжимаю оберег. «Перековали» режет сильнее, чем «прокляли».

Проклятие можно представить грязью, которую удастся смыть. Перекованный металл прежним не становится. Его приходится снова нагревать и бить, пока он не примет нужную форму.

Вольфганг замечает движение моей руки.

— Нам нужен профессор, — говорит он. — Маг, который работает с повреждёнными контурами и изменениями формы. Мы можем вылететь в Сансити сегодня и пройти прямо в Академию.

Он выдерживает мой взгляд.

— Если ты согласишься.

— А городские власти?

— Не узнают.

Ответ звучит слишком быстро.

— Почему?

Вольфганг закрывает дверь и подходит ближе.

— Потому что, если тебя внесут в реестр изменённых, ты перестанешь быть пострадавшей. Сначала станешь случаем, потом — объектом карантина и строкой в протоколе.

Объектом.

Слово цепляется под рёбрами хуже когтей. Клэр, механик, человек, на которого напали, — всё исчезнет за номером дела. Останется нечто, что можно закрыть, измерить, описать и передать следующему отделу под подпись.

Комната сжимается до чужой рубашки на плечах, камня у горла и тяжёлого хвоста у ног.

— Изоляция, печати, стекло между тобой и остальными, — продолжает Вольфган. — Решения без твоего участия. Мы потеряем возможность действовать раньше, чем наступит полнолуние.

Мы.

Часть меня хочет ухватиться за это слово.

Ксандр садится на край стула. Усталость наконец заставляет его согнуть спину.

— Если власти поймут, что это обращение, тебя начнут изучать. Сначала из лучших побуждений.

— А потом?

Ответ не нужен.

Я оглядываю комнату: стул с брошенной одеждой, коробку с запасными винтами, кружку у окна. Вчера это была моя жизнь. Сегодня вещи выглядят так, как выглядят перед отъездом, к которому никто не готовился.

— Я не могу просто закрыть мастерскую и исчезнуть.

— Можешь, — говорит Ксандр. — На несколько дней.

— Ты уверен, что на несколько?

— Нет.

Я поднимаю голову.

— Здесь я могу удерживать контур и ждать следующего всплеска, — продолжает он. — В Академии мы получим данные и помощь человека с опытом. Но лететь или оставаться — твоё решение.

Вольфган останавливается рядом, не нарушая расстояния.

— Я считаю полёт к профессору лучшим вариантом. Времени мало. Но, если ты откажешься, будем искать другой путь отсюда.

Он спрашивает, а не приказывает. Усилие выдаёт неподвижная правая рука. Вольфган добровольно отдаёт мне управление в ситуации, где отчаянно хочет держать штурвал сам.

— Хорошо, — отвечаю я. — Летим.

Его плечи едва заметно опускаются.

— Можно полностью вернуть прежний вид? — спрашиваю Ксандра.

— Не знаю.

Камень пульсирует под пальцами.

— Всё это нереально.

— Нет, — говорит Вольфган. — Слишком реально. Я не стану обещать, что всё будет хорошо. Обещаю другое: никто не будет решать за тебя, пока мы способны этому помешать.

В этот раз «мы» не раздражает. Возможно, потому что место для моего решения всё-таки оставили.

Ксандр проверяет оберег, просит поднять руки, повернуть голову и пройти до стены. Следит за ушами и равновесием. К концу осмотра его пальцы дрожат уже заметно.

Я смотрю на пустую чашку у окна.

— Ты ел?

— Сейчас это несущественно.

— Неправильный ответ.

— Клэр, у тебя появились хвост и магический контур.

— А у тебя остался желудок. Не меняй тему.

Угол его рта слабо приподнимается.

— На кухне хлеб и сыр, — продолжаю я. — Съешь оба предмета. Полностью.

— Тебе самой нужно...

— Ксандр.

Он смотрит на меня, на хвост, обёрнутый вокруг ноги, и понимает: это единственное знакомое действие, которое я сейчас могу совершить как старшая сестра.

— Хорошо, — говорит он мягче. — Но потом ты тоже поешь.

— Договорились.

Ксандр уходит. Вольфган остаётся.

Не спрашивает, нужна ли мне помощь, и не говорит, что всё обязательно наладится. Смотрит чуть дольше необходимого.

— Лисёнок? — напоминаю я.

Он проводит ладонью по затылку.

— Не лучшее моё решение.

— А какие ещё варианты рассматривались?

— Ни один не успел пройти проверку.

— Значит, это было первое, что пришло тебе в голову?

Вольфган смотрит на хвост. Тот, предатель, осторожно шевелится.

— Ты открыла глаза, — говорит он. — Я позволил себе ошибку.

Насмешка исчезает прежде, чем успевает родиться. Для него это действительно связано: пока я не просыпалась, ошибаться было нельзя. Когда заговорила — на секунду стало можно.

— Ладно, — отвечаю я. — Один раз прощаю.

Вольфган коротко кивает.

— Отдыхай, Клэр.

— Обработай руку.

Он машинально прячет ожог глубже в карман.

— Это приказ?

— Просьба.

Его взгляд теплеет.

— Тогда выполняю.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна и впервые не знаю, что чинить.

Подхожу к зеркалу. Контроль оно не возвращает; у зеркал вообще скверный характер. Но мне нужно увидеть хоть что-нибудь прежнее.

Не получается.

Уши торчат нагло. Хвост лежит за спиной тяжёлой рыжей запятой — подписью на документе, которого я не читала, но уже заверила кровью.

Самое мерзкое — всё это выглядит естественным. Уши поворачиваются на звук, хвост выдаёт раздражение, тело уже считает их своими. Я — пока нет.

— Ладно, — говорю отражению. — Без театра. Летим в столицу. На дирижабле. С хвостом.

План не лучший. Другого пока нет.

Переодевание занимает больше времени, чем я готова признать. Обычные брюки приходится распороть сзади и поставить две маленькие застёжки по краям отверстия. Пальцы знают работу, поэтому не дрожат.

Надеваю дорожный плащ. Он закрывает место соединения хвоста с телом, а оберег спрячет остальное от глаз. Хвост всё равно придётся держать рядом с ногой.

— Ещё и правила движения, — сообщаю ему. — Не путаться, не махать, не сбивать людей.

Он раздражённо ударяет по кровати.

Очень конструктивно.

Внизу меня встречает знакомый запах дерева, масла и металла. Мой нормальный мир.

Я переворачиваю табличку на «Закррито» и иду по списку: погасить горелки, запереть шкаф с чертежами, проверить окна, перекрыть пар. Пока руки заняты, голова держится.

На стойке оставляю родителям короткое письмо:

«Улетели с Ксандром в столицу по делам. Вернёмся скоро».

Слово «*скоро*» вывожу особенно аккуратно. Ровные буквы не обязаны становиться правдой, но пусть хотя бы постараются.

Перед выходом касаюсь верстака. Отец собрал его, когда мне было восемь, и сказал, что мастерская должна расти вместе с мастером. Мама позже вбила в правый угол маленький медный гвоздь от дурного глаза, хотя отец три дня доказывал, что он установлен не по разметке.

Гвоздь до сих пор там.

— Не вздумай развалиться без меня, — говорю мастерской. — Я вернусь.

Камень на шее отзывается коротким теплом.

«Сапсан» уже готов к вылету.

Светлый аэростат возвышается над площадкой, стянутый латунными поясами. Золотые линии навигационного узора проходят по оболочке и сходятся к знаку компаса. Под ним тёмный деревянный корпус выглядит небольшим.

Ксандр держится чуть позади. Высоту он не переносит с шести лет. С виду собран, но руки спрятаны в рукава, и ткань подрагивает вовсе не от ветра.

Вольфганг стоит у трапа и проверяет замки, тросы и крепления. Чаще всего убивает мелочь, и он относится к мелочам как к личным врагам.

На одном из замков остаётся тонкая серая пыль.

Тот же пепельный налёт.

Вольфганг растирает частицы между пальцами. Лицо не меняется, но сердце пропускает удар.

Я слышу.

От нового слуха хочется отвернуться. Чужое тело больше не умеет хранить секреты на привычном расстоянии.

— Этот след был здесь, когда ты вернулся из Сансити?

— Нет. Перед вылетом я проверял крепления.

— Значит, кто-то добрался до корабля после посадки.

Вольфганг достаёт платок, стирает налёт с перчатки и убирает ткань в металлический футляр.

— Или оставил его во время разгрузки. Ксандр изучит образец в пути.

Он не произносит вслух главное: человек с печатью знает не только мою мастерскую. Он следует за «Сапсаном».

Вольфганг протягивает мне руку.

— Готова?

— В пределах разумного.

Я вкладываю пальцы в его ладонь. Он помогает подняться, но отпускает только после того, как я устойчиво встаю на трап.

Ксандр проходит следом, не глядя вниз.

— До кабины семь ступеней, — говорю я.

— Я умею считать.

— Тогда почему остановился на пятой?

Брат делает ещё один шаг.

— Проверял конструкцию.

Вольфган за моей спиной тихо выдыхает через нос.

— Ни слова, — предупреждает Ксандр.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал достаточно громко.

В рубке Вольфган занимает место у штурвала. Сквозь арочные окна видно, как винты начинают вращаться: сначала медленно, затем увереннее, собираясь в общий ритм.

Мастерская уходит вниз. Бирмингем превращается в карту из крыш, дыма и металла.

На взлёте внутри что-то дёргается. Под рёбрами натягивается тонкая проволока, оберег отвечает холодным жжением. Я упираюсь ладонью в стену и глубже вдыхаю.

Стоит произнести «мне плохо», и Вольфган посадит корабль, Ксандр достанет мел, а я превращусь в груз, который нужно переносить между безопасными точками.

Я не груз. Я механик.

Повторяю это про себя и впервые не смеюсь над собственным заклинанием.

Ксандр вскоре уходит в нижнюю кабину, где стены ближе и небо видно только через небольшие окна. Садится за стол и тщательно раскладывает записи, пытаюсь бумажным порядком удержать остальной мир.

Рубка небольшая, тёплая от дерева и латуни. Арочные окна вставлены в тяжёлые ободы, кожаные панели приглушают дрожь корпуса, в газовых бра ровно горит свет. Перед штурвалом теснится приборная доска: циферблаты, компас, рычаги, стрелки давления и высоты.

Вольфган прокладывает курс карандашом по бумажной карте. Никаких магических проекций — только линейка, расчёт и опыт.

У нас один язык. У него штурвал, у меня разводной ключ.

— Ксандр боится высоты и будет делать вид, что его тревожит исключительно устройство мира, — говорю я.

Вольфган ставит отметку на карте.

— Он плохо храбрится.

— Он умнее нас обоих.

— Ум не всегда броня. Иногда он лишь помогает быстрее понять, насколько всё плохо.

Ответить колкостью не получается. Я сжимаю ремень с инструментами — последнюю вещь, удерживающую меня в прежнем чертеже.

Вольфган спрашивает о высоте, но я слышу только начало. Уши поворачиваются к левому борту без моего разрешения.

Сквозь ритм винтов, ветер и дрожь корпуса проступает другое движение воздуха. Не птица, не двигатель, не торговый корабль на соседнем маршруте.

Чужой след в небе.

Он тянется за нами на границе слуха и исчезает, когда я пытаюсь поймать его точнее.

К вечеру в арочных стёклах появляются звёзды. Я сижу у бокового окна и перебираю ремень с инструментами. Пока пальцы заняты пряжкой и потёртой кожей, голове сложнее расползаться по швам.

Столица. Академия. Профессор. Полнолуние, до которого осталось неприлично мало для человека с хвостом и чужой магией под кожей.

Камень нагревается, замечая сбившийся пульс. В отражении стекла виден Вольфган. Он стоит у штурвала среди латуни и мягкого света ламп.

Смотрит не на приборы. На меня.

— Давай договоримся, — говорю я. — Я не ребёнок, не твой ученик и не твоя ответственность.

Вольфганг проверяет давление в правой турбине и лишь после этого поворачивает голову.

— Хорошо.

Я жду продолжения.

— И всё?

— Нет. Теперь твоя часть: не изображай человека, которому ничего не страшно.

— Осторожнее, капитан. Это прозвучало заботливо.

Он медленно проводит большим пальцем по резному краю штурвала.

— Это так и было.

В глубоком голосе проступает сухая хрипотца, но сейчас она звучит непривычно тепло. Все подходящие ответы рассыпаются.

Вольфганг позволяет мне помолчать. Проверяет курс, двумя пальцами поправляет рычаг и ждёт, пока стрелка компаса успокоится.

— Твоя гордость переживёт дорогу, — продолжает он. — Меня больше интересует, переживёшь ли её ты.

— У тебя талант выбирать слова, после которых хочется бросить в тебя чем-нибудь тяжёлым.

Угол его рта приподнимается.

— Выбирай предмет без острых краёв. У нас высота.

Он кивает на штурвал.

— Хочешь попробовать?

Я перевожу взгляд с него на резной деревянный обод.

— Управлять?

— Да.

— Я разбираюсь в железе, а не в том, как этим железом командовать там, где любая ошибка становится последней.

— Управление — та же механика. Давление, сопротивление и правильное усилие.

— Любимая фраза людей, которые потом объясняют: «Я всё рассчитал, кроме падения».

Вольфганг тихо хмыкает. Низкий звук растворяется в гуле двигателей.

— Я буду рядом.

Усмешка исчезает. Теперь он смотрит прямо, без нажима и привычной капитанской непреклонности.

— Вот это меня и беспокоит.

— Разумеется.

Он поднимает левую ладонь, принимая удар, и отступает. Освобождает место, но не уходит.

Я смотрю на приборы, рычаги и карту, прижатую медными клипсами к панели. Потом подхожу.

Штурвал тёплый. Дерево отполировано ладонями, резной обод чуть шершавый. Через него проходит дрожь корпуса — общее движение винтов, тросов, газа в оболочке и ветра за стеклом.

Пока Вольфганг держит управление рядом, «Сапсан» идёт спокойно. Затем он убирает правую руку.

Секунду ничего не меняется. После этого нос медленно ползёт вправо, увлекая за собой весь корабль.

— Ты отпустил!

Я вцепляюсь в штурвал.

— Передал управление.

— Без предупреждения!
— Если бы предупредил, ты бы отказалась.
— Мы уходим с курса.
— На два деления. Двигатели исправны, аэростат держит высоту, а я никуда не делся. Он стоит за моей спиной близко, но не касается. Голос становится суше и точнее:
— Не дёргай. Веди. Чуть левее. Легче. Ещё легче. Отпусти плечи. Смотри не на стрелку — на линию облаков.

Я слушаюсь раньше, чем успеваю возмутиться.

Камень на шее отвечает коротким холодным жжением. Внутри срабатывает чужой ограничитель, отмечая резкое движение. Выравниваю дыхание и веду плавнее. Сейчас курс корабля — единственная прямая линия, которую можно удержать руками.

Это помогает.

Через минуту «Сапсан» возвращается на маршрут. Напряжение не исчезает, но меняет форму. В нём появляется азарт — нелепый, несвоевременный и настоящий.

В детстве я представляла себя у штурвала большого дирижабля. Рядом — родители и Ксандр. Брат со временем предпочёл магию и библиотеки, а я осталась с ключами, заказами и городским допуском. Родители по-прежнему работают инженерами, и несколько дней назад их вызвали в командировку на Юг.

Позже я решила, что мечты о штурвале — детская ерунда, которую приличный механик перерастает вместе с короткими рукавами.

Не переросла.

— Не спорь с кораблём руками, — говорит Вольфган. — Он не любит резких доказательств.

— Я убеждаю его не убивать нас по глупости.

— Разумное начало переговоров.

Я возвращаю ему штурвал. Ладони всё ещё помнят его вес и тёплую дрожь дерева.

На полке у стены замечаю жестяную коробку с вмятиной на крышке.

— Это что?

— Печенье.

Я смотрю сначала на коробку, потом на него.

— У тебя на боевом гильдейском дирижабле хранится печенье?

— Во-первых, корабль не боевой. Во-вторых, я не кружева с любовными стихами здесь складирую.

— Кружева стоит искать в другой коробке?

Вольфган снимает крышку и достаёт кривоватое печенье с тёмным краем.

— Ешь, пока я не передумал.

Я осторожно откусываю. Печенье сухое, с орехом, и пережило не один перелёт.

— Ты сам это приготовил?

— Нет. Иногда печёт старуха в доках, если я не спорю с ней о ветре и её внуках.

— Ты умеешь не спорить?

— Редко. Поэтому печенье мало и оно подгорело.

Я смеюсь раньше, чем успеваю решить, уместно ли сейчас смеяться. Смех выходит рваным, но настоящим.

Рядом с Вольфганом не становится безопаснее. Становится нормальнее.

Он закрывает коробку и оставляет её ближе ко мне.

Где-то вдоль корпуса раздаётся сухой щелчок. Не в шестернях и не в креплении. Звук проходит по обшивке короткой искрой.

Стрелка компаса дёргается вправо. Гильдейская сигнальная пластина под стеклом вспыхивает тусклым светом, а камень на шее отвечает холодным ударом.

Вольфганг мгновенно переводит маленький рычаг у края панели в крайнее положение. Золотая стрелка на пластине гаснет.

— Что это было?

— Перепад во внешнем защитном контуре.

Ответ запаздывает на долю секунды. Я уже знаю, что он выбрал не всю правду.

— Нас проверили?

Вольфганг удерживает рычаг, следя за приборами.

— Не знаю.

— Но канал ты закрыл.

— Да.

— Почему?

— Незвестный канал сначала закрывают. Потом выясняют, кто по нему стучал.

— Ты опять поставил дверь.

— Сейчас она нужна.

— Тебе?

Его взгляд скользит к оберегу у моего горла.

— Всем нам.

Если это был вызов, мы не ответили. Закрылись. И тот, кто находится снаружи, теперь знает: внутри есть что прятать.

Ночью Вольфганг меняет маршрут. Прямой путь до Сансити короче, но он поднимает «Сапсан» выше торговых линий, обходит санитарные маяки по внешней дуге и до рассвета держит корабль за пределами столичного кольца.

К утру город поднимается из тумана.

Купола, башни, мосты, ровные ряды домов и широкие проспекты. Здесь сначала появился чертёж, а потом в него допустили людей.

Главные улицы уже промыты до бледного блеска. Вода стоит тонкими полосами у края мостовой и стекает к решёткам коллекторов — туда, где Сансити прячет всё, что не должно попадаться на глаза. После Чёрного года каналов чистота стала частью закона, наравне с печатями, пропусками и маршрутами.

Красиво. Неуютно. Правильно до холода.

Я больше не считаю башни и посадочные площадки. Считаю людей в форме и расстояния до ворот.

На самом краю слуха проходит тонкий сухой сигнал — царапает воздух и исчезает между городскими маяками. Скрытые оберегом уши поворачиваются к востоку.

— Что? — спрашивает Вольфганг.

Я смотрю на спокойную стрелку компаса.

— Ничего.

Он задерживает на мне взгляд.

— Когда «ничего» станет «чем-то», скажешь.

— Разумеется.

Собственная ложь оставляет во рту металлический привкус.

Мы швартуемся у здания Гильдии исследователей. Здесь ей принадлежит всё: площадка, охрана, флаги с эмблемой дирижабля и компаса, латунные таблички, мокрый камень под ногами. Даже воздух служебный — пахнет машинным маслом, полировочным воском и свежей бумагой.

У трапа нас встречают двое в форме. Вопросов не задают, только сверяют отметки. Один задерживает взгляд на цепочке у моего горла. Для него камень уже превращается в будущую строку журнала.

Я закрываю оберег воротником.

Улицы столицы просыпаются без суеты. Газовые фонари гаснут один за другим, ставни поднимаются по распорядку, кэбы и паромобили занимают свои полосы. У водостока двое рабочих снимают с насоса ночную пломбу: один проверяет печать, второй делает запись в планшете.

Даже грязь в Сансити не убирают без оформления. Сначала её регистрируют.

Ксандр идёт впереди быстрее, чем следует человеку после двух бессонных ночей. Его выдают плечи — поднятые и натянутые. Жилет застёгнут неровно, воротник помят, на рукавах плаща серебрится влага.

Я нагоняю его и несколько шагов иду рядом, прислушиваясь к сбившемуся дыханию брата.

— Ты доел пирог?

— Да.

Ответ прилетает слишком быстро.

— Весь?

— В достаточном количестве.

Ксандр поправляет очки и ускоряется. Усталость тут же крадёт прибавленную скорость.

— Это сколько?

— Количество, после которого вопрос можно считать закрытым.

— Один кусок?

Он поджигает губы.

— Больше.

— Насколько больше?

— Клэр, я маг-исследователь. Я не обязан вести протокол завтрака.

Ксандр бросает на меня усталый взгляд. Сил на возмущение почти не осталось, но достоинства хватит ещё на несколько суток.

— Я сохранил сыр и хлеб.

Его ладонь на секунду прижимается к карману плаща.

— Зачем?

— Он может пригодиться.

— Для какого ритуала?

— Для завтрака.

— Завтрак уже был.

— Это спорное утверждение. День ещё не закончился.

Он произносит это с полной серьёзностью. Я уже собираюсь сообщить, что временно отказываюсь от брата как от научного проекта, но замечаю дрожь его пальцев.

Вольфганг держится с другой стороны — достаточно далеко, чтобы я не начала сопротивляться из принципа, и достаточно близко, чтобы любой посторонний сначала встретился с его плечом.

У ворот Академии людей становится больше. Хвост прижимается к ноге. Оберег скрывает его, но не способен помешать чужой руке или сумке столкнуться с тем, чего глаза не замечают.

Я замедляю шаг.

Вольфганг поднимает ладонь к моей спине, останавливается, затем легко касается плеча.

— Держись рядом. На воротах контроль.

Я освобождаю плечо.

— Ты говоришь со мной как с существом, которое нужно провести через ворота на поводке.

На его лице появляется раздражение, но быстро гаснет. Вольфганг замечает охрану, мой хвост у ноги и людей, проходящих слишком близко.

— Нет, — говорит он тише. — Я пытаюсь закрыть тебя от толпы.

В швах между плитами светятся охранные линии. Медные гербы Академии начищены до блеска. Чужие взгляды давят на кожу: здесь привыкли замечать отклонения.

Ксандр проходит несколько шагов, затем оборачивается.

— Клэр?

Всего одно слово. Проверяет, не отстала ли я.

— Иду.

У самого порога дыхание перехватывает. Камень под воротником становится холодным.

Вольфганг удерживает меня за локоть — коротко, без рывка. Со стороны обычная помощь спутнице после тяжёлой дороги. Он наклоняется ближе.

— Ночью это был не перепад.

Я поворачиваю голову.

— Что?

— Нас прощупывали через внешний контур. Я закрыл канал до того, как он успел закрепиться.

— И решил сообщить мне только сейчас?

— Я хотел сначала вывести нас из воздушного коридора.

— И?

— Ты впервые за сутки смеялась. Я не захотел отнимать у тебя эти пять минут.

Злость не исчезает, но меняет направление. Он пытался сохранить короткий кусок нормальной жизни — и всё равно решил за меня.

Я снимаю его руку с локтя.

— Я слышала чужой след сразу после взлёта.

Вольфганг застывает.

— Когда?

— Над Бирмингемом.

— И промолчала.

— По той же причине, по которой ты назвал сигнал перепадом. Не хотела, чтобы ты решал за меня.

— Ты могла привести след к кораблю.

— А твоя версия дала нам безопасность?

Его челюсть напрягается. Несколько секунд мы смотрим друг на друга — одинаково правые и одинаково виноватые.

Вольфганг первым отводит взгляд. Проверяет расположение охраны, проходы и расстояние до выхода. Привычное движение даёт ему время подумать.

— Значит, оба поступили глупо, — говорит он.

— Наконец-то общий диагноз.

— В следующий раз говоришь сразу.

Я уже набираю воздух для возражения, но он поднимает ладонь.

— И я тоже. Без безопасных версий и отложенных объяснений.

— Хорошо, — отвечаю я. — Если слышу или чувствую что-то необычное — говорю.

Ксандр ждёт нас на ступенях. По выражению лица видно: часть разговора он услышал и уже составляет собственные выводы.

— Всё важное друг другу рассказали? — спрашивает он.

Мы с Вольфгангом отвечаем одновременно:

— Да.

Ксандр поправляет очки.

— Статистически это маловероятно.

— Сначала профессор, — говорю я.

Вольфганг расправляет край жилета.

— Нас ждут.

Затем его голос становится прежним — низким, собранным, уверенным:

— Пойдём, мастер Файерхолл.

Я переступаю порог Академии.

Охранный контур проходит по коже мелкими иглами. Оберег под воротником отвечает сухим холодом. На одно мгновение свет в швах между плитами становится ярче.

Контур гаснет.

Ворота пропускают нас внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.